

М.Г. Кривошлык

ИСТОРИЧЕСКИЕ
АНЕКДОТЫ
ИЗ ЖИЗНИ РУССКИХ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

ВЫПУСК 1

Сборник
Михаил Григорьевич Кривошлык
Исторические анекдоты из
жизни русских замечательных
людей. Выпуск 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69596206

Исторические анекдоты из жизни русских замечательных людей.

Выпуск 1: Aegitas; М.; 2023

ISBN 9780369409966

Аннотация

Первый выпуск старинных анекдотов познакомит читателя с интимными тайнами русских царей и императриц, высшего чиновничества, актёров, драматургов, писателей и поэтов.

Содержание

От автора	5
Петр Великий	6
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Михаил Кривошлык Исторические анекдоты из жизни русских замечательных людей. Выпуск 1

Публикуется по 2-му дополненному изданию С.-Петербур-
бург, 1897

© Михаил Кривошлык, 2023

© Текст под редакцией Л. И. Моргун. 2022

От автора

*«О Петре ведайте, что жизнь ему не дорога –
жила бы Россия в счастье и благоденствии»,
(Приказ Петра Велик. перед Полт. Битвой).*

...Думается, что подрастающему поколению не бесполезно будет ознакомиться с некоторыми чертами из жизни великих людей нашего дорогого Отечества. Подчас исторический анекдот дает верное и более ясное понятие о характере человека, чем обширное жизнеописание. Быть может, молодые читатели не без удовольствия прочтут эту книжку.

М. Кривошлык

Петр Великий

Царь Федор Алексеевич, сын Алексея Михайловича, умирая бездетным, не назначил себе наследника. Старший по нем брат Иоанн был слаб и физически, и умственно. Оставалось, как того желал и народ, «быть на царстве Петру Алексеевичу», сыну от второй жены Алексея Михайловича. Но властью завладела сестра Иоанна, царевна Софья Алексеевна, а десятилетний Петр, несмотря на то, что был венчан вместе с братом Иоанном и назывался царем, был царем опальным. О воспитании его не заботились, и он был всецело предоставлен самому себе; но, будучи одарен всеми дарами природы, он сам нашел себе воспитателя и друга в лице женевского уроженца, Франца Лефорта.

Чтобы выучиться арифметике, геометрии, фортификации и артиллерии, Петр отыскал себе учителя, голландца Тиммермана. Прежние московские царевицы не получали научного образования, Петр – первым обратился за наукою к западным иностранцам. Заговор против его жизни не удался, Софья была принуждена удалиться в Новодевичий монастырь, и 12 сентября 1689 г. началось правление Петра, когда ему 17 лет. Здесь нельзя перечислить все славные деяния и реформы Петра, давшие ему прозвание Великого; скажем только, что он преобразовал и воспитал Россию по образцу западных государств и первый дал толчок к тому, чтобы она стала в настоящее время могущественною державою. В своих тяжелых трудах и заботах о своем государстве Петр не

щадил себя и своего здоровья. Ему обязана своим возникновением наша столица Петербург, заложенная в 1703 году, 16 мая, на острове Луст-Эйланде, отнятом у шведов. Петр Великий был основателем русского военного флота и регулярной армии. Он скончался в Петербурге 28 января 1725 г.

* * *

У купца Сорокина родился сын; Петр Великий пожелал быть кумом. Назначен был день и час крестить, но приглашенный поп не явился. Петр велел позвать другого священника, а не явившегося велел Меншикову позвать в воскресенье к царю.

Поп очень струсил.

– Пропал, матка, – сказал он жене.

– А то-то, поменьше бы бражничал!

– Да я думал, что Сорокин врет, что царь будет кумом.

– Ну, да что будет, то будет! А надо идти.

– Еще бы!

В воскресенье поп явился к царю.

– Ты отчего не явился к Сорокину крестить ребенка? – сказал царь грозно. – А?

– Занят был.

– Врешь! – вскричал Петр громовым голосом. – Пьянствовал! Меншиков, отправить его в Соловки! Напиши об этом патриарху!

Поп упал на колени.

– Ваше Величество, помилуйте: жена, дети!

– А! «Помилуйте – жена, дети» – то-то! Ну, слушай: ступай домой и в следующее воскресенье приди и отгадай мне три загадки: сколько верст от земли до неба? Чего я стою? И что я думаю? Марш! Не отгадаешь – помилованья не будет, отгадаешь – прощу!

В воскресенье поп Семен явился во дворец. Прежде надо сказать, что священник обращался ко всем знакомым, чтобы разгадали загадки, но никто не отгадал. Наконец, поп обратился к своему брату, дьякону Каллистрату. Тот подумал немного и сказал:

– Послушай, брат, когда тебе идти к царю?

– В воскресенье, сегодня.

– В какой рясе ты был у царя?

– В новой голубой, атласной.

– Давай ее! – Поп достал, дьякон надел ее.

– Что ты делаешь?

– Иду к царю вместо тебя. Ты знаешь, что мы похожи друг на друга. Он примет меня за тебя.

И дьякон отправился. Является к царю, который, по случаю праздничного дня, был окружен всеми придворными.

– А! – сказал Петр. – Отгадал?

– Точно так, Ваше Величество.

– Ну, сколько верст от земли до неба?

– 240.000 миллионов верст.

– Врешь!

– Никак нет, велите проверить.

– Ну, хорошо. Велю. А чего я стою?

– 29 сребреников.

– Так мало!?

– Больше не стойте, Ваше Величество. Сам Спаситель, Царь небесный, был продан за 30 сребреников, а вы, царь земной, одним сребреником менее.

– Верно, – сказал Петр, смеясь. – А вот что я думаю, того не отгадаешь.

– Нет, отгадаю. Вы думаете, что я поп Семен, а я – дьякон Каллистрат, его родной брат.

– Ну, молодец Каллистратушка! Напишите владыке, что я прошу его сейчас же посвятить Каллистрата во священники и назначить в дворцовую церковь!

* * *

Несколько стрельцов и два офицера их, Циклер и Соковнин, составили заговор с целью убить Петра I. Для исполнения своего замысла они сговорились зажечь два смежных дома в Москве, и, как государь являлся на всякий пожар, то решено было убить его в это время. Назначили день. В определенное время все заговорщики собрались в доме Соковнина. Но два стрельца-заговорщика, почувствовав боязнь и угрызение совести, отправились в Преображенское где обычно-

венно жил Петр Великий, и открыли государю заговор, который намеревались исполнить в тот же день в полночь.

Петр Великий велел задержать доносителей и тотчас же написал записку к капитану Преображенского полка, Липунову, в которой приказал ему тайно собрать всю свою роту, в 11 часов ночи окружить дом Соковнина и захватить всех, кого он найдет там. Вечером государь, воображая, что назначил капитану в 10 часов, сам в 11-ом часу в одноколке, с одним только денщиком, поехал к дому Соковнина, куда и прибыл в половине одиннадцатого. С неустрашимостью вошел он в комнату, где сидели заговорщики, и сказал им, что, проезжая мимо и увидев в окнах свет, он подумал, что у хозяина гости, и решился зайти, выпить чего-нибудь с ними. Он сидел уже довольно долго, внутренне досадуя на капитана, который не исполнил его повеления.

Наконец, император услышал, что один стрелец сказал на ухо Соковнину: « Не пора ли, брат?». Соковнин, не желая, чтоб государь узнал о их заговоре, отвечал: «Нет, еще рано!». Едва произнес он эти слова, как Петр вскочил со стула, и, ударив Соковнина кулаком в лицо, так что тот упал, воскликнул: «Если тебе не пора еще, мошенник, так мне пора! Возьмите, вяжите их!». В эту самую минуту, ровно в 11 часов, капитан Липунов вошел со своею ротою. Государь, в первом гневе, ударил капитана в лицо, упрекая его, что он не пришел в назначенный час. Когда же Липунов представил записку его, государь сознался в своей ошибке, поцеловал

капитана в лоб, назвал его честным и исправным офицером и отдал ему под стражу связанных заговорщиков.

* * *

После Полтавской победы Петр I пригласил однажды пленных офицеров к своему столу и, при питии за здоровье, сказал: «Пью за здоровье моих учителей в военном искусстве!»

Шведский фельдмаршал Рейншильд спросил при этом, кого он удостоивает таким названием. — «Вас, господа». — «В таком случае Ваше Величество очень неблагодарны, поступив так дурно со своими учителями». Государю так понравился этот ответ, что он немедленно велел возвратить Рейншильду его шпагу.

* * *

Во время Шведской войны, в Петербурге, для большей осторожности, зимою через Неву ставились рогатки с Выбогской к Московской стороне.

Они охранялись часовыми, которым было приказано после вечерней зари не пропускать никого ни в Петербург, ни из Петербурга. Однажды Петр Великий был в театре, находившемся на Литейной, недалеко от дома кумы, генеральши

Настасьи Васильевны Бобрищевой-Пушкиной. Она тоже была в театре и просила государя приехать к ней после представления на вечеринку, на что он и согласился. После спектакля Петр незаметно вышел из театра и с одним денщиком, в маленьких санях, заехал со стороны Охты к упомянутой куме. Подъехав к часовому, стоявшему близ Литейного двора с Московской стороны, и назвавшись петербургским купцом, запоздавшим на Охте, просил его пропустить.

– Не велено пропускать, – отвечал часовой. – Поезжай назад!

Государь предлагает ему рубль и, все прибавляя по столько же, доходит до десяти рублей. Часовой, видя его упорство, сказал:

– Вижу, что ты человек добрый; так, пожалуйста, поезжай назад; буде же еще станешь упорствовать, то я или принужден буду тебя застрелить, или, выстрелив из ружья, дать знать гауптвахте, и тебя возьмут под караул, как шпиона.

Тогда государь поехал к часовому, стоявшему с Выборгской стороны, и снова, сказавшись купцом, просил пропустить. Этот часовой пропустил его за два рубля. Пробираясь по Неве к дому Бобрищевой – Пушкиной, государь попал в полыню и был едва выхвачен из нее денщиком, а лошадь сама выпрыгнула на лед. Петр приехал к куме весь мокрый. Увидев его в таком виде и услышав, что случилось, все присутствующие пришли в ужас.

– И зачем, батюшка, – пеняла государю хозяйка, – само-

му тебе так трудиться? Разве не мог ты послать для осмотра караулов кого-нибудь другого?

– Когда часовые могут изменять, то кто же лучше испытать-то может, как не я сам? – отвечал Петр.

На другой день состоялся приказ по полку: часового-изменника повесить, и, провертя два взятые им за пропуск рубля, повязать их ему на шею, а другого часового произвести в капралы и пожаловать десятью рублями, предложенными ему накануне.

* * *

Кум и денщик Петра Великого, Афанасий Данилович Татищев, неисполнением какого-то приказания сильно прогневал государя. Он велел наказать его за это батожьем перед окнами своего дворца. Офицер, которому поручено было исполнение экзекуции, приготовил барабанщиков, и виновный должен был сам явиться к ним. Но Татищев медлил идти и думал, авось гнев государя пройдет. Поэтому он тихонько пошел вокруг дворца. На дороге ему встретился писарь Его Величества, некто Замятин. У Татищева мелькнула блестящая мысль – поставить вместо себя Замятина.

– Куда ты запропастился? – сказал он ему. – Государь тебя уже несколько раз спрашивал и страшно на тебя гневается. Мне велено тебя сыскать. Пойдем скорее! – И повел его к барабанщикам.

В это время государь взглянул в окно и, сказав:

– Раздевайтесь! – отошел прочь.

Татищев, будто исполняя повеление государя, закричал солдатам, указывая на Замятина:

– Что ж вы стали? Принимайтесь!

Беднягу раздели, положили и начали исполнять приказание, а Татищев спрятался за угол.

Скоро Петру стало жаль Татищева. Выглянув из окна, он закричал:

– Полно! – и поехал в Адмиралтейство.

А проказник между тем отправился к Екатерине. Государыня выразила ему свое сожаление по поводу наказания и сказала:

– Как ты дерзок! Забываешь исполнять то, что приказывают.

Татищев, не входя в дальнейшее рассуждение, бросился ей в ноги.

– Помилуй, матушка, государыня! Заступи и спаси. Ведь секли то не меня, а подьячего Замятина.

– Как Замятина? – спросила государыня с беспокойством.

– Так, Замятина! Я, грешник, вместо себя подвел его.

– Что ты это наделал! Ведь нельзя, чтоб государь твоего обмана не узнал, он тебя засечет.

– О том-то я тебя и молю, всемилостивейшая государыня! Вступись за меня и отврати гнев его.

– Да как это случилось?

– Ведь под батожье-то ложиться не весело, – отвечал Татищев, стоя на коленях, и рассказал всё, как было.

Государыня, пожурив его, обещалась похлопотать. К счастью, государь приехал с работ очень веселый. За обедом Екатерина заговорила о Татищеве и просила простить его.

– Дело уже кончено. Он наказан и гневу моему конец, – сказал Петр.

Надо заметить, что если Петр Великий говорил кому-нибудь: «Бог тебя простит», – то этим уже всё забывалось, будь-то ничего и не было. Этих-то слов и добивалась государыня.

Немного погодя, она опять попросила, чтобы государь не гневался более на Татищева. Петр промолчал.

Она в третий раз заговорила о том же.

– Да отвяжись, пожалуйста, от меня! – сказал, наконец, царь. – Ну, Бог его простит.

Едва были произнесены эти слова, как Татищев уже обнимал колени Петру, который подтвердил свое прощение. Тогда Татищев признался, что сечен был не он, а Замятин, и в заключение прибавил:

– И ничто ему, подьячему-крючку.

Шутка эта, однако, не понравилась государю.

– Я тебе покажу, как надобно поступать с такими плутами, как ты! – сказал он, берясь за дубинку. Но тут Екатерина напомнила, что он уже именем Божиим простил виновного.

– Ну, быть так, – сказал государь, останавливаясь, и приказал рассказать, как было дело. Татищев чистосердечно не

утаивая ничего, все рассказал. Призвали Замятина, и он подтвердил, что это правда.

— Ну, брат, — сказал государь, — прости меня пожалуйста! Мне тебя очень жаль, а что делать? Пеняй на плута Татищева. Однако ж, я сего не забуду и зачту побои тебе вперед.

Впоследствии Петру Великому пришлось сдержать свое слово. Замятин попался в каком-то преступлении, за которое следовало жестокое наказание; но царь решил так, что де подсудимый и заслуживает казни, но так как он некогда понес наказание, то и заменить ему оное за нынешнее преступление.

Петр Великий, имея от роду всего 10 лет, составил в Москве из дворян регулярную роту, названную им потешною, в которой сам служил несколько времени барабанщиком, а потом, 12-ти лет, простым солдатом. После этих первых воинских упражнений, кораблестроение и мореплавание сделались любимым занятием Петра Великого. Неутомимый монарх служил во флоте как и в строевых сухопутных полках, наряду со своими подданными, начиная с низких степеней, дошел в морской службе до звания контр-адмирала. Раз очистилось при флоте вице-адмиральское место, на которое подлежало кого-нибудь произвести. Контр-адмирал Петр Алексеевич подал в адмиралтейскую коллегию просьбу, в которой описал свою прежнюю службу и просил назначения на освободившееся место. Коллегия, по внимательном рассмотрении дела, отдала свободную вакансию

другому контр-адмиралу, который более Петра Алексеевича служил и более имел случаев отличиться. Петр Великий к этому поступку отнесся так:

– Члены коллегии судили справедливо и поступили, как должно. Если бы они были так подлы, что из искательства предпочли бы меня моему товарищу, то не остались бы без наказания.

* * *

Князь Федор Юрьевич Ромодановский, известный под названием Князя-Кесаря, заведовал Преображенским приказом. При своей страшной жестокости, изумлявшей самого Петра, этот человек был набожен и почитал Николая-угодника. Раз, накануне Николина дня, один колодник, содержащийся в приказе за убийство, объявил, что имеет сообщить князю нечто очень важное. Ромодановский велел привести к себе арестанта. Тот бросился в ноги и стал просить, чтобы его отпустили в деревню к родным – провести с ними последний раз праздник и проститься, так как, вероятно, его скоро казнят. Кесарь был озадачен такою неслыханною дерзостью.

– Да как ты смеешь просить об этом, злодей! – закричал, наконец, князь, придя в себя от изумления.

– Помилуй, отец мой! Святой Никола-чудотворец воздаст тебе за это сторицею.

– Кто же будет за тебя порукою? – спросил уже смягчившись, князь Ромодановский.

– Сам святой угодник. Он не попустит мне солгать, – Начальник приказа задумался, потом заставил разбойника поклясться в том, что он непременно вернется, и затем отпустил его в деревню, которая находилась где-то недалеко от Москвы.

Враги князя тотчас же донесли об этом государю. Петр приехал к его кесарскому величеству и спрашивает:

– Правда ли, что ты отпустил разбойника?

– Отпустил, но только на пять дней, чтобы он простился с родными.

– Да как же ты мог это сделать и поверить злодею, что он вернется?

– Он дал мне в том порукою великого угодника Божия, который не попустит ему солгать.

– Но когда он мог убить человека, то что стоит ему солгать святому, и тем более, что он уличен в убийстве и знает, что будет казнен.

Но князь стоял на своем.

– Ну, дядя, смотри, чтоб не отвечать за него тебе, если он не будет в срок, – сказал государь.

В назначенный день преступник явился в приказ, благодарил князя и сказал, что теперь готов с радостью принять заслуженную казнь.

Обрадованный князь поехал к государю и доложил об

этом. Петр удивился и потребовал к себе арестанта.

— Знаешь ли ты, что за убийство, совершенное тобою, ты должен быть казнен?

— Ведаю, надёжа-царь.

— Как же, ведая, возвратился ты на верную смерть?

— Я дал в том порукою св. чудотворца Николая. К тому же я заслужил смертную казнь и приготовился к ней покаянием. Да если б я и вздумал бежать, то св. Николай не попустил бы мне того, и я рано или поздно был бы пойман и еще большую потерпел бы муку.

Петр всегда оказывал снисхождение, когда видел чисто-сердечное раскаяние, и прощал всех, кроме убийц; но на этот раз он так был тронут, что приказал заменить смертную казнь для этого преступника солдатскою службою в одном из сибирских полков.

* * *

Когда у Петра I родился сын, обрадованный государь немедленно послал своего генерал-адъютанта в крепость к обер-коменданту с приказанием возвестить народу эту радость пушечными выстрелами. Но так как перед тем отдан был приказ не пускать в крепость никого после пробития вечерней зори, то часовой, из новобранцев, остановил генерал-адъютанта.

— Поди прочь! Не велено никого пускать.

– Меня царь послал за важным делом.

– Я этого не знаю, а знаю только одно, что не велено мне никого пускать, и я тебя застрелю, ежели не отойдешь.

Нечего было делать: генерал-адъютант вернулся и доложил Петру.

Тот сам, как был в простом кафтане, без всяких отличий, идет в крепость и говорит солдату:

– Господин часовой, пусти меня.

– Не пущу.

– Я тебя прошу.

– Не пущу.

– Я приказываю.

– А я не слушаю.

– Да знаешь ли ты меня?

– Нет.

– Я государь твой!

– Не знаю, а я знаю то одно, что он же приказал никого не пускать.

– Да мне нужда есть.

– Ничего я слышать не хочу.

– Бог даровал мне сына, и я спешу обрадовать народ пушечными выстрелами.

– Наследника? Полно, правда ли?

– Правда, правда!

– А когда так, что за нужда: пусть хоть расстреляют меня завтра! Поди и сегодня же обрадуй народ сею вестью.

Государь приказывает коменданту сто одним выстрелом известить столицу о рождении сына; затем спешит в собор, где, при звоне колоколов, благодарит Бога за милость, а солдата жалует чином сержанта и десятью рублями.

* * *

Государь, точа человеческую фигуру на токарной машине, и будучи весел, что работа удачно идет, спросил механика своего Нартова:

– Каково точу я?

– Хорошо, – отвечал Нартов.

– Таково-то, Андрей! Кости точу я долотом изрядно, а не могу обточить дубиной упрямец.

* * *

Подле Гапсаля случилась одна очень характерная собственноручная расправа Петра Великого. 22 июня 1715 г. прибыл Петр I на галерах в Гапсаль и, осмотрев город, через Линден и Падис направился в Ревель. По пути объявил он дворянину Рамму, что будет обедать у него; дворянин ответил, что не желает этого посещения, но государь тем не менее прибыл к нему, собственноручно наказал его своею тростью и очень вкусно пообедал.

За едой и питьем царь очаровал приглашенного им к столу побитого хозяина, очаровал настолько, что при прощании Рамм просил подарить ему бившую его царскую трость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.